

Сущность брака

УДК 101
ББК 87
С91

С91 Сущность брака / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 209 с.

ISBN 978-5-458-14849-8

Обмен мыслей между Н.П. Аксаковым, Мирянином, В.В. Розановым, "Рцы" (И.Ф. Романовым), протоиереем Александром У-ским и С.Ф. Шараповым с приложение статьи священника М.И. Спасского. Собрано, снабжено примечаниями и предисловием, проредактировано и издано Сергеем Шараповым.

ISBN 978-5-458-14849-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СУЩНОСТЬ БРАКА.

половой жизни, считается подвигомъ, состояніемъ выше брачнаго. Въ самомъ бракѣ физическія отношенія считаются во всякомъ случаѣ чѣмъ-то не совсѣмъ чистымъ, если рекомендуется воздержаніе отъ нихъ при извѣстныхъ условіяхъ (напр. во время говѣнія, въ дни поста и т. д.). Надъ родившею женщиною читается очистительная молитва, имѣющая въ виду, конечно, не самый-же актъ родовъ. Словомъ, невыясненнаго и, какъ я сказалъ, недоговореннаго очень много.

Я не говорю про разнообразныя философскія теоріи брака и половой жизни. Все это, конечно, произвольное и не можетъ ни стать на ряду съ церковнымъ ученіемъ, ни удовлетворить запросу челоѳческой души, ищущей истины и не желающей останавливаться передъ недосказаннымъ. Мысль челоѳка стремится проникнуть въ тайну своего бытія и уяснить себѣ всю безъ остатка нравственную сторону жизни. Православная мысль стремится къ этому особенно настойчиво, ибо мы болѣе, чѣмъ кто-либо вѣруемъ, что въ нашемъ церковномъ ученіи лежитъ *вся правда*, скрыты всѣ объясненія и указанія. Для насъ, православныхъ, ни къ какому компромиссу не склонныхъ и никакой, даже самомалѣйшей примѣси лжи, или условности въ вѣроученіи не допускающихъ, дѣло идетъ о самой основѣ нашихъ вѣрованій. Церковь должна отвѣтить на *всѣ* вопросы нашей совѣсти. Если у нея не окажется отвѣта по какому нибудь даже частному вопросу, или если потребуется малѣйшая неискренность, или замалчиваніе, вѣрующіе уйдутъ искать объясненія и успокоенія своей совѣсти въ другія ученія.

Сказанное можетъ въ достаточной степени оправдать необходимость настоящаго изданія. Между нѣсколькими лицами, искренно, всѣмъ сердцемъ принадлежащими Церкви, духовными и мірянами, завязался споръ на страницахъ моего покойнаго органа—газеты „Русскій Трудъ.“ Пользуясь широкой свободой, даруемой Церковью вѣрующему сердцу и пытливому уму въ дѣлѣ философскаго и научнаго изслѣдованія, эти лица, взявъ каждое за исходную точку основы православнаго церковнаго ученія въ Писаніи и Преданіи и стараясь твердо на немъ удержаться, сдѣлали рядъ попытокъ выяснитъ идею и сущность

христіанскаго брака съ точки зрѣнія Церкви. Споръ, конечно, ничѣмъ не кончился и оппоненты остались каждый при своемъ взглядѣ. Но то, что было высказано въ этомъ обмѣнѣ мыслей, и по своимъ даннымъ, и по своей аргументаціи заслуживаетъ полнаго вниманія. Мы отнюдь не рѣшили вопроса, но мы дали ему широкую постановку, мы собрали много матеріала для его дальнѣйшей разработки.

Я вовсе не хочу этимъ сказать, чтобы наша группа шла въ этой разработкѣ впереди другихъ русскихъ мыслителей и писателей. Гораздо больше нашего дали такіе гиганты творчества и мысли, какъ гр. Левъ Толстой, покойные Достоевскій, Владиміръ Соловьевъ и другіе. Но наши скромныя писанія являются къ ихъ трудамъ посильнымъ дополненіемъ и разъясненіемъ. По настоящему, для полноты нами собранныхъ матеріаловъ и для болѣе широкаго выясненія, вопроса было-бы необходимо въ настоящее изданіе включить хотя-бы въ видѣ справки, сводъ основныхъ положеній названныхъ авторовъ, равно какъ и другихъ, касавшихся христіанскаго брака и его изслѣдовавшихъ. Къ сожалѣнію, сдѣлать это было невозможно, такъ какъ книга разрослась-бы непомерно. Кромѣ того, идеи Льва Толстого, Достоевскаго и Вл. Соловьева вошли уже во всеобщее обращеніе и читатель легко ихъ припомнитъ. То-же, что высказывалось нами, было достояніемъ одного лишь сравнительно тѣснаго кружка читателей „Русскаго Труда.“

Принимая на себя сводку и изданіе печатавшася у меня матеріала, я придерживался такой системы: прослѣдить въ хронологическомъ порядкѣ возникновеніе и развитіе нашего спора, привести полностью и безъ всякихъ измѣненій статьи участвовавшихъ въ обмѣнѣ мыслей авторовъ и снабдить ихъ объединяющими редакторскими примѣчаніями. Конечно, въ этихъ примѣчаніяхъ и разъясненіяхъ я былъ, какъ это у насъ говорится, субъективенъ. Но, во-первыхъ, я спорилъ съ тѣмъ или другимъ авторомъ на глазахъ читателя, а во-вторыхъ, я защищалъ свои личныя, выношенныя и выстраданныя вѣрованія.

Думаю, что, кромѣ пользы, настоящая книга русскому читателю не принесетъ ничего. Она дастъ картину двухъ обнаружив-

шихся въ этомъ вопросѣ главныхъ теченій и поможетъ ему въ нихъ разобраться, отнюдь не насилуя ни его ума, ни совѣсти. А за нѣкоторыя вольности и щекотливыя мѣста, особенно у г. Розанова, да проститъ великодушный читатель, въ виду полной нашей искренности и высокой цѣли, всѣхъ насъ одинаково одушевлявшей.

Сергей Шарановъ.

Москва, ноябрь 1900.

I.

Русская общественная мысль по вопросу о бракѣ и половой жизни была рѣзко разбужена появленіемъ „Крейцеровой Сонаты“ гр. Толстого. Въ сущности, это произведеніе не было ни уясненіемъ вопроса, ни даже его серьезной философской постановкой. Великій художникъ силою своего гения зажегъ—и не передъ Россією только, а передъ цѣлымъ міромъ—гигантскій транспорантъ, на которомъ было изображено „мене текель фаресъ“ современной цивилизаціи въ самомъ центральномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самомъ уязвимомъ ея пунктѣ—въ семьѣ. Толстой бросилъ міру вызовъ: „ваша семья—ложь, мерзость, обманъ и притворство.“

Ударъ былъ жестокъ. Всѣ вздрогнули, какъ отъ страшнаго электрическаго разряда, и бросились литографировать, гектографировать, мимеографировать и просто переписывать „Крейцерову Сонату.“ Я досталъ экземпляръ и послалъ его въ Кіевъ моему пріятелю и сотруднику еще по „Русскому Дѣлу“ И. О. Романову, прося дать статью для „Благовѣста,“ который основалъ въ Петербургѣ Аѳ. В. Васильевъ на смѣну прекратившейся моей газетѣ и въ которомъ первое время я принималъ близкое участіе.

И. О. Романовъ прислалъ мнѣ большое письмо, которое и было помѣщено въ „Благовѣстѣ“ подъ заглавіемъ „Тексты перепуталъ.“ Авторъ поставилъ на немъ весьма ядовитый эпиграфъ изъ Мольера и далъ полную волю своей беспощадной прони.

Любопытно, что это письмо, столь глубоко православное и церковное, не хотѣла пропускать ни духовная, ни свѣтская

цензура. Разрѣшено оно было къ печати лишь благодаря личному ходатайству одного крупнаго государственнаго чело-вѣка и литератора съ широкими взглядами. Вотъ это письмо.

Тексты перепуталъ!

(Письмо С. Ѳ. Шарапову).

Sais-tu bien ce que tu as fait? Un syllogisme in Balardo. La majeure en est inepte, la mineure impertinente et la conclusion ridicule.

Molière. *)

Хотѣлось-бы и справедливо было-бы начать письмо съ благодарности за присылку „Крейцеровой Сонаты“, а начну съ выраженія досады за присылку означеннаго произведенія. Право, кажется, лучше было-бы не читать! По крайней мѣрѣ, я не знаю чувства тягостиѣ, какъ то, которое овладѣваетъ чело-вѣкомъ, чувствующимъ свое безсиліе свести къ какому-нибудь единству сумму пробужденныхъ въ его душѣ впечатлѣній... Что сказать о „Крейцеровой Сонатѣ?“ Я предпочелъ-бы ничего не говорить. Пусть остается въ душѣ какой-то неосмысленный туманъ, нѣчто похожее на обрывки воспоминаній прерваннаго сна, притомъ прибавлю: сквернаго сна... Что нужды? Время скоро изгладитъ тягостное впечатлѣніе, туманъ разсѣется и въ смятенной на минуту душѣ водворится желанный покой. Но вы непременно требуете отвѣта, съ безжалостной настойчивостью вы гоните мою мысль въ направленіи, отъ котораго она отвращается... Что-же я скажу?

Когда случается со мною, какъ теперь, что недоумѣвающий умъ тщетно разыскиваетъ точку опоры, на которой-бы ему удержаться и уравновѣситься, я обращаюсь къ „капищу моего сердца допрашиваю одного изъ тѣхъ двухъ несравнимыхъ, изъ коихъ каждый *mihi pro sentum videtur*... Не удастся-ли хоть имъ разсѣять недоумѣніе? Не дастъ-ли отвѣта Хомяковъ? Не найдется-ли разрѣшеніе мудреной загадки у Гилярова?

*) Знаешь-ли, что у тебя вышло? Силлогизмъ Балардо, первая его посылка без-божна, вторая нахальна, а заключеніе смѣха достойно. *Мольеръ.*

Какъ разъ у послѣдняго—я только-что началъ перерывать свой архивъ—нашлась превосходная статья о графѣ Толстомъ.

Вы помните, я уже какъ-то сообщалъ вамъ свой взглядъ на Толстого, въ его цѣломъ, Толстого-художника и Толстого моралиста, философа, богослова, сапожника, наконецъ, „Графъ Толстой, какъ извѣстно, не только всѣми признанный гениальный художникъ, онъ не только романы пишетъ, но и печи кладетъ, и сапоги шьетъ. Это-бы еще не бѣда, но бѣда въ томъ, что, по какому-то странному ослѣпленію, хотятъ, чтобы популярный авторъ считался великимъ во всѣхъ родахъ, не исключая и сапожническаго. Вы восхищаетесь его художественными произведеніями, этого мало, нужно непременно, чтобъ вы преклонились передъ толстовскими сапогами. Станете доказывать, что сапоги его невозможны, противны не только эстетикѣ, но и гигиенѣ, что они жмутъ ногу, препятствуютъ свободному кровообращенію, натираютъ мозоли и проч., что они дурны, невозможны сами по себѣ, безъ малѣйшаго сравненія съ идеальными сапогами г. Пироне, передъ которыми вы привыкли преклоняться доселѣ... На васъ посмотрятъ, какъ на одержимаго бѣсомъ, станутъ пальцемъ указывать: „смотрите, онъ не признаетъ сапогъ Толстого, а хочетъ критиковать его романъ, или повѣсть, или драму! Развѣ сумасшедшіе критикой занимаются? Далѣе. Васъ, положимъ, не успѣли еще опровержить въ глазахъ публики, вы не высказывались ни за, ни противъ сапогъ Толстого, вы прямо подходите къ его литературному произведенію и по чистой совѣсти произносите свое сужденіе: вотъ это хорошо, отлично, недостижимо, а это слабовато, вовсе даже дурно... Какъ дурно, зовопятъ Зоицы, развѣ Толстой можетъ писать слабовато или дурно? Да вы видно изъ числа еретиковъ... Говорите лучше прямо: признаете вы сапоги Толстого, или нѣтъ? Ну, такъ и есть, что не признаетъ! Понимаете ли вы, почтеннѣйшая публика, гдѣ схоронена собака? Свою затаенную ненависть къ гениальнымъ сапогамъ онъ вымещаетъ... и проч. и проч. *)

Эту же самую мысль, но съ большею глубиною и ясностью высказываетъ и Н. П. Гиляровъ въ указанной превосходной статьѣ. Вы навѣрно ея не читали, а если и читали, то забыли. Въ томъ и другомъ случаѣ она будетъ имѣть для васъ интересъ новизны. Позвольте привести нѣсколько отрывковъ.

*) „Русск. Дѣло“ 1890 № 2.

...„Одна газета усмотрѣла даже противорѣчіе между похвалами, которыхъ мы находили достойными рассказы, изданные Толстымъ чрезъ фирму Посредникъ, и презрѣніемъ, съ которымъ мы отозвались о діалектикѣ знаменитаго романиста.

„Великій мыслитель всегда-ли есть великій художникъ и, наоборотъ, знаменитый художникъ всегда-ли есть великій философъ? Къ несчастію, Гете былъ только одинъ въ исторіи; да и о немъ подлежитъ еще изслѣдованію вопросъ: его художественнымъ твореніямъ не вредитъ-ли до извѣстной степени дидактической, вообще философскій элементъ, которымъ они иногда проникнуты? Не такъ рассуждаетъ толпа, особенно наша, русская. Толстой—великій романистъ; его пластическій талантъ дѣйствительно колоссаленъ. Для толпы этого достаточно: она готова усмотрѣть чуть не геніальность и въ диссертациі романиста, какъ ни мало въ ней ученаго достоинства и какъ ни слабо въ ней мышленіе. Съ Толстымъ это и случилось: разглагольствіями своими о философскихъ и богословскихъ матеріяхъ онъ собираетъ проценты со своей славы романиста. Представимъ, что на его комментаріяхъ къ Евангелію, на его Исповѣди, на его Какъ намъ жить не стояло бы Л. Н. Толстой, —какимъ гомерическимъ хохотомъ встрѣтила-бы тѣ-же самыя произведенія та-же самая толпа, которая теперь признаетъ въ нихъ нѣчто даже великое. Но это „великое“ даже серіозной критики недостойно, и мы истинно соболѣзнуемъ о почтенномъ профессорѣ Гусевѣ, что онъ посвятилъ себя на ученый разборъ толстовскихъ мнѣній, доводя добродушіе свое до того, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ толстовскаго ученія находитъ заимствованіе у предшествовавшихъ философовъ, умышленно-де, но несправедливо выдаваемое Толстымъ за свое. Комизмъ этого предположенія заключается въ томъ, что въ Толстомъ критикъ предполагаетъ дѣйствительнаго ученаго, который выступилъ не ранѣе, какъ изучивъ движеніе мысли въ человѣчествѣ, совершенное умами предшествовавшихъ поколѣній. Это напраслина; напротивъ, какъ мы выразились нѣкогда, Толстой до всего „своимъ умомъ“ дошелъ. Въ этомъ и вся сущность. Говоритъ-ли Толстой въ Войнѣ и Мирѣ „всѣ историки“, утверждаетъ-ли въ своемъ изъясненіи Евангелія „всѣ толкователи“,—это есть реторическая фраза. Хотя-бы на малость обладающій эрудиціею человѣкъ не можетъ не видѣть, что новый философъ-историкъ и библейскій экзегетъ историковъ и толкователей

не читаль, точно такъ-же, какъ не вѣдаетъ по-гречески (хотя и обращается къ греческому тексту), ограничивая свое знаніе справкою съ лексикономъ! *)).

„Толстой великій художникъ; скажемъ даже величайшій (изъ современныхъ писателей онъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ своею пластикою), но никуда негодный мыслитель. Его достоинство и его несчастіе—избытокъ творчества. Оно оказываетъ ему услугу въ замыслѣ художественныхъ произведеній, въ вымыслѣ; но оно-же низвергаетъ его, когда онъ начинаетъ разсуждать отвлеченно. Здѣсь овладѣваетъ имъ, какъ выразились мы, „женская логика“, то-есть движеніе мысли не по ея собственнымъ законамъ, а по страсти: мысли чередуются, влекомыя воображеніемъ, водимыя не понятіями, а образами: пріемъ естественный художнику, но противоестественный для философа. Неугомонная творческая природа не соглашается ничего заимствовать, ничему поучиться, противъ всего чужаго протестуетъ, ищетъ создать свое, особое. Въ примѣненіи къ тому, надъ чемъ не бесплодно работало человѣчество, такая затѣя оказывается, разумѣется, жалкою. Повѣрятъ ли читатели, а это фактъ: Левъ Николаевичъ нѣсколько недѣль, а то и мѣсяцевъ носился съ мнѣніемъ, что Коперникова система—вздоръ. Какимъ чудомъ случилось, но нѣкоторые изъ друзей успѣли урезонить его: а не то публика, вѣроятно, ошачливлена была-бы и по Астрономіи такими-же открытіями Льва Николаевича, какими онъ подарилъ по Богословію, Политической Экономіи и наукѣ Права. Нашлись-бы, вѣроятно, и послѣдователи въ силу того-же умозаключенія (несознаваемаго): вѣдь это великій писатель, слѣдовательно... Впрочемъ, было-бы и полезно, когда-бы друзья не остановили астрономическихъ полетовъ романиста; пришли-бы многіе и къ другому, болѣе основательному умозаключенію: „а пожалуй и евангелистовъ Левъ Николаевичъ поправляетъ по тому-же методу, какъ Коперника съ Ньютономъ и Кеплеромъ, и богословскія открытія его того-же достоинства, что и астрономическія“

„Итакъ, надѣмся, нѣтъ противорѣчія, когда мы восторгаемся разсказами Толстого и смѣемся надъ его смѣлостью философствовать и богословствовать“

*) Здѣсь покойный Гиляровъ повидимому неправъ: въ письмахъ къ Фету Толстой пишетъ: *Отъ 2-го окт. 70 г.* „Я съ утра до ночи учусь по-гречески. Я ничего не пишу, ГЪ я только учусь. Я прочелъ Ксенофонта и теперь à livre ouvert читаю его“. *Отъ 18-го июля 71 г.* „Читаю Геродота“.

Вотъ взглядъ—единственно, по моему, правильный—или точнее, сказать, мѣрило, съ которымъ я приступилъ къ чтенію присланнаго вами списка „Крейцеровой Сонаты“ Толстого. Выдѣлите изъ произведенія часть художественную и восторгайтесь, она навѣрное этого стоитъ; отбросьте часть резонерскую, какъ негодный балластъ, ничего лучшаго, кромѣ смѣха или негодованія, незаслуживающій, и затѣмъ подводите итоги! Что-же оказалось на дѣлѣ?

На дѣлѣ случилось то, чему я именно обязанъ невыносимо-тягостнымъ недоумѣніемъ, о которомъ говорилъ выше. Двойственная, классически двойственная точка зрѣнія въ данномъ случаѣ оказалась непригодною. Впечатлѣнія дробились безконечно, и то единство, которое одно даетъ желанное успокоеніе душѣ и заслуженную награду добросовѣстно изслѣдующему уму, роковымъ образомъ ускользало отъ меня.

И прежде всего, что такое „Крейцера Соната“: произведеніе художественное на дидактической подкладкѣ, или исключительно резонерское, „учительное“, какъ нѣкоторые выражаются объ умствованіяхъ гр. Толстого? Добрыя двѣ трети „Крейцеровой Сонаты“, какъ вы знаете, наполнены исключительно разглагольствіями героя разсказа Позднышева, устами котораго, очевидно, проповѣдуетъ самъ гр. Толстой. Гигіена, мораль, педагогія, медицина—вы услышите отъ него всего по немножку. Есть ссылка и на Мальтуса, есть что-то про буддистовъ, словомъ какъ въ любомъ бульварномъ фельетонѣ: не очень основательно, не очень глубоко, не безъ противорѣчій то тамъ, то сямъ, не безъ софизмовъ и даже грубыхъ, не безъ специфической, свойственной „женской логикѣ“ графа аргументаціи; но за всѣмъ тѣмъ, оставивъ въ сторонѣ попадающіеся софизмы, недомолвки, пересолы, нельзя не признать, что часть резонерская „Крейцеровой Сонаты“, отдѣльно взятая, представляетъ едва-ли не лучшую страничку философскихъ упражненій нашего знаменитаго романиста. Попадаютъ психологическія наблюденія очень тонкія. Есть нѣсколько искреннихъ нотъ въ негодованіи Позднышева противъ загрязненія существа, противъ извращенія смысла высокаго христіанскаго таинства, именуемаго бракомъ. Можно пожалуй признать за натяжку увѣренія Позднышева, что у девяти десятихъ брачащихся вся идеальная, духовная, мистическая сторона брака въ какомъ-то скотскомъ ожесточеніи безцер-